

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии *С. Власова*

Ранее книга выходила под названием «Просто о любви»

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Две половинки : роман / Татьяна Алюшина. —
Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-112743-5

Они встретились и полюбили друг друга. Он — врач, сотрудник МЧС, выезжающий в горячие точки. Она — переводчица любовных романов, привыкшая к спокойной, размеренной жизни. За плечами обоих — неудачные попытки построения отношений и одиночество. Вспыхнувшее между ними чувство оказалось столь сильным, что напугало обоих. Но смогут ли понять друг друга такие разные люди?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112743-5

*Моей замечательной племяннице
Александре Беляевой
посвящается с любовью*

— Нет, ну надо же было в очередной раз так попасть?! А? — негодуя, вопрошала у провидения Стаська. — Ну не умею я ей отказывать, и все! Ну хоть бы раз! Придумала бы что-нибудь: свидание какое захудалое, например, или работу срочную!

Стаськины стенания, начавшиеся с того момента, как она проснулась, были в пользу бедных, то бишь бесполезны. Поскольку отказать любимой тетке, именуемой в семье княгинюшкой, она не могла и, пожалуй, не знала никого, кто оказался бы на это способен.

А отвертеться и придумать путевую отговорку... а-а-а!

Бесполезно!

Отмазки типа работы и свидания, как говорится в том анекдоте: «Не канают!» Трудилась Стася сразу на трех работах — переводила для одной фирмы официальные документы с немецкого на русский и наоборот, для другой фирмы делала то же, но на французском, но основным местом своей занятости числила издательство, для которого переводила с французского женские любовные романы. Работы

выходило до фига, но основная прелесть состояла в том, что при наличии компьютера и электронной почты трудилась девушка исключительно дома, очастливлывая места трудового предписания своим появлением крайне редко. Поэтому сослаться на законный выходной и радостное отсыпание в субботу утром не было никакой возможности — спала Стася и так сколько хотела, в любой день, предпочитая работать до поздней ночи, и непосредственно ночью, при необходимости, возникавшей практически всегда.

Ну, а свидания... Это совершенно отдельная тема!

Словом, вчера, когда позвонила княгинюшка и выдала задание партии имени себя, отвертеться Стаске не удалось, хоть она и сделала все, что могла, а именно канючила, пугала тетушку всякими дорожно-транспортными ужасами, которые могут случиться на зимней дальней дороге.

— Ерунда! — прервала слабые попытки отделаться от задания княгинюшка. — Ты прекрасный водитель, и я тебя не в деревню Синюки прошу съездить! Это солидный академический поселок, там дороги расчищают!

— Когда это он академическим был? Теперь он, по большей части, новорусский!

— Тем более дороги чистят! Слава, я понимаю, что тебе не хочется, но мне срочно нужны эти тетради для книги! И ничего такого уж страшного — съездишь, проветришься, воздухом подышишь, дом проверишь, погуляешь. За городом сейчас такая красота! Зима настоящая — с морозцем, с чистым снегом, а не московская слякоть! Чайку попьете с Василием Федоровичем, поговорите за жизнь, ему будет приятно!

— Почему ты всегда придумываешь для меня какие-то суперзадания? — сдалась без особого боя Стасья.

Но выступить-то она имела право, бесполезно, зато хоть какая-то реабилитация для души!

— Слава, не вредничай! Давай, я тебя жду к вечеру, испеку твой любимый пирог.

— Ты испечешь или Зоя Михайловна? — съязвила Стася.

Тетушка рассмеялась.

— Какая тебе разница? Главное, что вкусно!

Зоя Михайловна была не просто тетушкиной домработницей, а скорее членом семьи, домохозяйкой и изумительно готовила. Стася все поражалась, как при таких разносолах и каждодневных вкусностях княгинюшка умудряется остаться стройной и подтянутой, в ее-то, тщательно скрываемом после пятидесяти лет, возрасте.

— Не надо пирога, у меня и так попа с джинсами в конфликте, — проворчала Стася.

Вот и пришлось ехать. А в одиночестве, за рулем, чего ж не поворчать на судьбинушку и железный характер любимой родственницы, тем более, когда, вырвав на МКАД, девушка благополучно угодила в беспросветную, нудную пробку, не добавляющую радости настроению.

— Нет, ну я-то знаю, куда еду по делам, а вот вы все за каким лешим в субботнее утро поперлись? — риторически вопрошала она у участников пробочного движения.

Стася включила приемник, молчавший до поры, пока она с наслаждением предавалась ворчанию и придумыванию запоздалых отмазок от данного вояжа, и улыбнулась — смешно!

Противостоять княгинюшке мог, пожалуй, только президент, и то особым приказом, куда уж ей тягаться! Тетушка являлась для Стаси самым родным человеком, пожалуй, что в одном лице мамой и папой, и теткой, само собой.

Продвигаясь черепашьим ходом по дороге, в соседстве таких же автострадальцев, Стася улыбалась, думая о тетушке.

Серафима Андреевна Гольдина (по последнему мужу) родная сестра Стаськиного папы — Романа Андреевича Игнатова, была старше его на десять лет и «имела трудное удовольствие», как говаривала сама княгинюшка, трижды побывать замужем, но, к сожалению, детей у нее ни в одном замужестве не получилось.

— Мужья мои, слава богу, были не абы что, а вполне приличные люди. Я делала их, они делали карьеру — все справедливо. Теперь я могу спокойно, и заметь, комфортно жить так, как мне хочется, пользуясь плодами моих вложений в этих мужчин!

Не поспоришь!

Первый раз Серафима вышла замуж в двадцать два года, сразу по окончании с отличием исторического факультета и поступления в заочную аспирантуру, за своего преподавателя.

К моменту их скандального брака — преподаватель женится на студентке! — супруг имел кандидатскую степень и ревностно охранявшую его одиночество и принадлежность лично ей мамашу, с которой жил.

Энергичная Сима занялась карьерой мужа и укрощением мамашы всерьез.

За пять лет ее стараниями мужик из невзрачного измятого холостяка без особых амбиций преобрази-

лся в блистательного, подтянутого, стройного, одетого с иголки красавца, доктора наук.

Явные и разительные перемены имели неизбежные последствия в виде любовной интрижки со студенткой и чуть не стоили ему карьеры.

Серафима взялась уладить конфликт в институте и на кафедре, на которой и сама к тому времени работала, но с определенными условиями — развод и размен квартиры на два отдельных жилья. Когда родилась Стаська, Сима как раз пребывала во временной стадии «незамужества» и раздела имущества.

Странное дело, но с первым мужем Серафима дружит до сих пор, она еще не раз ему помогала в сложных ситуациях, выручала, потому что, несмотря на внешний лоск, характер у доктора наук, увы, не изменился. И похороны его мамы организовывала бывшая жена. Но это только тетушкины тайны.

Второй раз Серафима вышла замуж за доктора технических каких-то там наук, к истории как науке и профессии не имеющего никакого отношения, что не смутило княгинюшку ни на секунду.

— Ну, в бой, так в бой! — сказала Сима, активно знакомясь с технико-научной «тусовкой», вникая в тамошние интриги, традиции и пути карьерного роста. Здесь оказалось все сложнее, в силу времени, бытующего в стране, и национальности мужа номер два, с которой страна находилась в неприязненных отношениях.

Серафима Андреевна справилась — профессора он получил и...

И потом Сима помогла ему отбыть в Америку через обетованный для таких случаев Израиль.

Даром ей это не прошло, ее сильно прессинговали за бывшего мужа эмигранта из красот социа-

лизма, и Симе пришлось уйти с работы. Но тетя не особо и переживала, осела временно и с удобством в музее научным сотрудником, переждать шумиху. А искренне благодарный ей бывший муж-профессор, уезжая, оставил Серафиме квартиру и что-то там еще.

Но опять-таки это только княгинюшкины тайны и истории.

Как ни смешно, и со вторым мужем Сима дружит до сих пор: они перезваниваются частенько, переписываются по электронной почте, ездят друг к другу в гости. Сима однажды спасла ему жизнь в девяносто каком-то лохматом году, когда он попал в больницу, серьезно заболев, и позвонил ей проститься. Княгинюшка понеслась «в эту Америку», и тамошние врачи наконец поняли, почему русские победили во Второй мировой войне — такую Курскую битву устроила им там Сима! Подняла всех специалистов на ноги, пригрозила миллионными судебными исками — словом, резвилась от души! Но профессора поставила на ноги, не отходила от него ни на минуту, кормила с ложечки, контролировала все процедуры реабилитации — ухаживала, как за ребенком.

И спасла-таки!

Третий, и «окончательный», как говорит Сима, раз она вышла замуж за академика Гольдина, подведя итог своей матримониальности: «за двадцать лет я наконец научилась выбирать мужей — от кандидатов наук, отягощенных мамашами с мерзкими характерами, к красавцам академикам!»

Замечательный Евгений Симонович Гольдин кому был академик, а кому и дядя Женя.

Третье замужество стало для тетушки «Самым». Именно так, с большой буквы.

Единственная настоящая, сильная любовь и счастье от первого до последнего дня совместной жизни. Стася очень хорошо помнила, какой была в то время княгинюшка, как будто светилась изнутри, улыбалась все время, смеялась, шутила и все поглядывала на своего Евгеньюшку влюбленными глазами.

Он умер. Во сне. И больше Стася никогда не видела княгинюшку такой счастливой.

У Евгения Симоновича не осталось родственников. Вернее, они были, до определенной поры. Родители его давно почили, с первой женой дядя Женя развелся задолго до встречи с Симой, братьев-сестер не имел, какие-то дальние родственники числились, но отношений близких не поддерживали. Был сын Саша, Стаська его хорошо помнила, он приезжал к ним часто — веселый, шумный, большой, до глаз заросший бородицей. Когда он появлялся, начинался шум, гам, смех, диковинные истории про тайгу, в которой Саша проводил большую часть времени, работая не то геологом, не то нефтяником. Там и погиб, в экспедиции. Дядя Женя и Сима тяжело пережили его смерть. Это Стаська тоже помнила — тишину и подавленность в доме, и тетушкины тихие слезы.

За неимением других близких родственников после смерти дяди Жени Симе досталась академическая квартира и дача в подмосковном поселке, некогда прозванном «научным филиалом» за принадлежность ученым одного профильного направления.

Именно на эту дачу и заслала любимая родственница племянницу посреди зимы, мороза и снегопада.

У тетушки появилось новое увлечение — она писала!

После смерти Евгения Симоновича княгинюшка объявила себя одинокой дамой, потакающей своим капризам.

— Если сподобится появиться ухажеру какому — не откажусь! Но никакого сурьезу! Три замужества и одна большая любовь, мой Евгеньюшка, — более чем достаточно! Надо что-то и другим женщинам оставить, а то, как известно, замуж выходят одни и те же. Буду чудить в свое удовольствие, благо мужьями обеспечена!

Слово «чудить» означало весьма широкий спектр интересов и подразумевало различного рода увлечения.

Перво-наперво Сима принялась путешествовать по Европам, с восхищением делясь впечатлениями, дополняя повествования фото- и видеоматериалами. Частенько таскала по заграницам Стаську. Когда новизна и острота восприятия притупились, к познавательно-развлекательным вояжам княгинюшка охладела, и от очередного интересного предложения туроператора отмахнулась:

— Хватит. Накаталась.

Далее последовало новое увлечение — эзотерика в различных формах и вариациях — от народной медицины до экстремальных тантрических занятий, вызывающих у Симы гомерический хохот.

— Нет, ты представляешь, — делилась она впечатлениями с племянницей, — оказалось, это все танцы вокруг секса! Я когда посмотрела, что предлагается вот эдак расслабиться, дышать, думать, двигаться, чтобы, пардон, достичь наивысшего духовного и телесного слияния, от души пожалела нерадивых, ей-богу! Если это у них называется «достичь», то что у них тогда происходит в обычной семейной жизни?

Взаимный глубинный массаж органов в темноте и под одеялом? Я, знаешь ли, волнуюсь за молодое поколение, если им требуется заплатить деньги, и немалые, чтобы на глазах у еще двадцати человек научиться правильно владеть своими органами!

Тантры охладили увлечение эзотерикой, подорвав доверие к данному предмету, от которого остались лишь напоминания в виде фэн-шуйских штучек в доме, дорогущего астрологического прогноза жизни на десяти листах и массы литературы, спрятанной «с глаз долой» в глубины книжных шкафов.

Еще Стаське с Зоей Михайловной пришлось пережить увлечения экспериментальными театральными постановками, «тусовками» в высших, но при этом околонуучных кругах, попытки изучения китайского языка, японскую кухню и так, всякого разного по мелочи.

Но надо отдать должное Серафиме: за каждое новое увлечение она бралась со всей серьезностью, подходя к вопросу по-научному. Всесторонне изучала предмет, перелопачивая массу литературы, справочников, сведений из Интернета, вникая в суть, посещая лекции и обращаясь к специалистам.

Что вы хотите — кандидат наук! А еще характер!

Где-то в середине изысканий по интересам княгинюшка увлеклась йогой и занимается ею по сию пору, за что Стаська не перестает благодарить Бога, потому что ежедневные тренировки держат тетушку в прекрасной физической форме.

Нынешнее, последнее, увлечение, свалилось негаданно.

Серафиме позвонили из Академии наук и поинтересовались, не осталось ли после смерти академика Гольдина каких-нибудь записей, любого свойства —

научного или личного, так как в Академии принято решение выпустить серию книг о выдающихся ученых: их биографии, заметки родных и друзей, описание работ.

Надо знать Симу!

Она лично съездила на аудиенцию к ответственному секретарю и члену-корреспонденту Академии наук, курирующему данный вопрос. Результатом randevу явилась не какая-то там «краткая биография», а заказанная к написанию полноценная книга о жизни Евгения Симоновича.

— Люблю себя в писательстве! — сверкнув глазами, объявила княгинюшка, явно загоревшись новой идеей.

Дневники, за которыми так беспощадно тетка отправила Стаську в субботу поутру на дачу, Сима вела, только когда жила с дядей Женей.

— Вот, представляешь, никогда не имела тяги зафиксировать мысли-события, а с Евгеньюшкой, само сложилось, рука тянулась, как знала, что он самое скоротечное, яркое в моей жизни.

Дачу, построенную еще родителями Евгения Симоновича, не менее известными учеными, в семье любили, относились с почтением и элементами благоговения.

Жизнь на даче для Стаськи была особенной — безалаберно-свободной, счастливой и пахла малиной!

Всегда малиной!

Огромные заросли одичавших кустов буйствовали по всему участку и неизменно, каждый год, приносили какой-то нереальный урожай.

— Сима! — кричал из кустов дядя Женя. — Ее все-таки надо проредить! А то малинник, как в тайге, скоро до дома дойдет!

— Да не будем мы ее прореживать, Евгеньюшка, зачем! Пусть себе растет! — отмахивалась Сима.

Диалог, повторявшийся неизменно из года в год, в первый день их летнего приезда. Они начинали перетаскивать вещи из дяди-Жениной «Волги» в дом, бросали это занятие вместе с барахлом на полдороге и все втроем забирались в малину.

Сейчас Стаська улыбалась, вспоминая те годы.

Странная штука сознание — мысли цепляются одна за хвостик другой, и куда тебя занесут плавные неторопливые размышления — неизвестно. О чем только не передумаешь и чего только не вспомнишь, стоя в пробках да в дальней дороге. Иногда такое наворотишь в уме — вроде только что думал об утреннем кефире, а спохватился — о кладбище! И поражаешься: господи, как это меня занесло?

Правда, философы утверждают, что все в жизни взаимосвязано, и утренний кефир вполне может обернуться вечерним кладбищем.

Вот ведь Стася начала день с бухтения и негодования, а смотри — ползет в пробке на своем «фордикке», присыпаемом сверху непрекращающимся снегом, — и улыбается, вспоминая лето, дядю Женю, малину, неспешные вечера на веранде за чаем и дачную вольницу!

Нет, на самом деле, чего куксилась, сопротивлялась? Ну, дорога сложная, так на то и зима, чтобы мороз крепчал и снег валил, а водитель Вася действительно хороший! Четырнадцать лет за рулем! Срок, между прочим!

Первую машину родители подарили Стаське в ее восемнадцать лет — «Жигули», пятерку, получив совместный «большой» гонорар.

Полгода Стася так старалась и до ужаса боялась